
Под землёй воскресло семя.
Лета светится макушка.
Куковать уже не время.
И откуда ты, кукушка?

Отчего так многословно
Ты в июне стартовала?
Ты кукуешь так, что словно
Тыщу лет не куковала.

Словно ты в печали жгучей
Горько плачешь на забрале,
Как за Доном злые тучи
Половецкие стояли.

Видно, с тучами нет сладу
Облакам на небосклоне,
Если Ярославны ладу
Крепко держат во полоне.

Кабы гоголем он в плавни
На той речке, на Каяле,
То б не плакать Ярославне
Во Путивле на забрале.

Кабы серым волком к Дону
Побежал он ковыляями,
То б не быть в Путивле стону,
Мне не быть, как в волчьей яме,

На той речке, на Каяле,
Там, где берег окаянный.
Ты ещё в моей печали
Омочи рукав бебряный.

Потому, как ночь, зегзица,
Я хожу весь день в тумане.
Душу, душу, слышишь, птица,
Полонили басурмане.

Где мы с телом кукуем вдвоём,
Кособоким вороньим гнездом,
Окружённый густым купырём
Над рекой накренился наш дом.

А в дому только печь да кровать,
И остыла в печи головня.
У меня нет причин горевать —
Тело любит как может меня.

И гуляет по мне его плеть
Из огня да опять в полымя,
Неповадно чтоб было и впредь —
Тело держит за горло меня.

Но ночами, осоки острей,
Песня режет ходы в кулаке,
Прорезается из купырей
Там, где небо склонилось к реке.

И когда тело в пьяном бреду
В сапожищах ползёт на кровать,
Я её за калитку веду
В непроглядную ночь куковать.

Геракл

Тяжело блудной жизни похмелье,
Но растёт из него патерик:
На коленях в монашеской келье
Пред иконами плачет старик.

Как его ни петляли дороги,
Как ни пели ему соловьи —
На последнем, на страшном пороге
Он все «подвиги» помнит свои.

Тихо светит надежда. И значит
Это будет ещё не конец.
Он о том пред иконами плачет,
Что разбил сорок девять сердец.

Икар

Потеряв от судьбы своей джойстик,
Оказавшись вдруг на пустыре,
Атеист, маловер и агностик —
Все встречаются в монастыре.

О монахе, ещё и не старом,
Но уже чья седа голова,
Что прозвали здесь старцем Икаром,
Разнесла по округе молва.

Что-то помня о сыне Дедала,
Как известный народный артист,
Рядом с ним на скамью, разудало
Сел вчерашний ещё атеист.

Он хотел хоть каким-то макарон
Получить однозначный ответ:
«Почему Вас прозвали Икаром?
Есть ли в этом какой-то секрет?»

В небе облако белым квадратом
Уплывает к другим берегам,
Чтоб услышать рассказ о крылатом,
Воробьи прискакали к ногам.

У монаха смешная борода,
Словно всполох седого костра,
Он сидит, улыбается кротко,
Но улыбка, как бритва, остра.

Он ответит легко, в чём загвоздка,
Он в секрет приоткроет портал:
«Мне даны были крылья из воска,
Чтобы я высоко не летал».

День вышел. И только лазейка
Осталась за ним в тальнике.
Блестящая рыба уклейка
Погасла в холодной реке.

День сплыл, его песенка спета.
И что ты ему ни пророчь —
С туманною родинкой света,
Как облако, движется ночь.

Как будто в холщовой котомке
К рассвету несёт прямиком
Душа человечья потёмки
С далёким степным огоньком.

Как внезапно морозы остыли!
Ледяные косички зимы
Все деревья с улыбкой забыли —
И выходят к дороге из тьмы.

Облака перед битвой отважны,
Крепко тянет надеждой с реки,
У сугробов под окнами влажны,
Набок высунуты языки.

А душа ходит в новых ботинках,
Ухажёр её трезв и румян.
И у старой зимы на поминках
Не один уже порван баян.

Когда-то пытался я вырасти.
Молясь, у ручья и травы
Просил я совета и милости,
Просил у зелёной листвы.

И я разгибал свои веточки,
И тополь, кольчугой звеня,
Листочком на орденской ленточке
Не раз удостоил меня.

За ивами за богомольными,
С отшельником взаперти,
Ходил я путями окольными.
И где было трудно идти,

Где в поле виднеются полосы,
Где в роще виднеется след,
Судьба протащила за волосы.
Теперь и волос уже нет.

Куда душа поющая
Из школы побежит?
На кухне мать пьянющая
В блевотине лежит.

С утра бухала с кодлюю
И сотый раз на дню
Кричала: «Ксеньку подлюю,
Заразу, прогоню!»

В прихожей ранец брошенный.
Напуганный, седой,
Весь город, запорошенный
Недетскою бедой.

В высотках крест мерцающий.
А ветер злей и злей.
На чин о погибающей
Скопила пять рублей.

В руке вспотела денюшка.
И тонкий голос ввысь:
«Святая мати, Ксеньюшка,
За маму помолись!»

Случай

Кто в жизни хоть раз привечал побирушку,
Поймёт отчего-почему
Чужой человек обманул ту старушку,
Что хлеб подавала ему.

Стоит на пороге у ней участковый,
Укором стоит, недвижим,
И всё не втолкует он ей, бестолковой,
Что веры нет людям чужим.

Она, как ребёнок обиженный, плачет
И мелко трясёт головой:
— А как же, родимый? А как же иначе,
Коль в дверь мне стучат не впервой?

— Теперь вот ищи твоего побирашку.
Потом участковый вздохнёт,
Посмотрит сурово, наденет фуражку,
Как сокол, в окне промелькнёт.

А ночью, когда засыпала старуха,
За то, что не помнила зла,
Огромного неба большая краюха
В ладонь её тихо легла.

Сегодня на тропе у луговины
Надежда посбивала всю росу.
Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в солнечном лесу.

И отступила мрака камарилья,
Взметнулся куст рябины шестикрыл,
И светлый лес легко расправил крылья
И тихо дверь в грядущее открыл.

И я увидел в приоткрытой дверце
Мерцание священного огня,
И на больном и удивлённом сердце
Вдруг стало так спокойно у меня.

Из родника в лицо плещу горстями,
С берёзкой говорю наедине,
Не верю в то, что я мешок с костями,
Грохочущий у смерти на спине.

Тесей

Решил я задачку нескладную,
Что стала как будто мне в новь:
Надежду зовут Ариадною,
Приходит она как Любовь.

В крови я засохшей и в ссадинах,
Вторую неделю не брит,
И латы в подмышечных впадинах
Сдавили в груди остров Крит.

Зарезал я смерть круторогую
В глухом лабиринте страстей
И ниточку тонкую трогаю
В тот мир, где не будет смертей.

Самые прекрасные страницы
Я читаю ночи напролёт.
Засыпая, вижу сквозь ресницы,
Как я попадаю в переплёт.

Как легко, легко невероятно
Я скольжу по лунному лучу.
И герою из романа Верна
Я губами сонными шепчу:

«Капитан, нас обманул Негоро!
Сбился ночью с курса «Пилигрим»,
Меркнет свет, а это значит, скоро
Свет в моей душе померкнет с ним.

Скоро, скоро мрак возьмёт измором,
Город весь тенями прошерстит,
Вороном зловещим, Невермором,
В каждый дом хозяином влетит.

Напророчит он и мне потерю
На ночном последнем берегу,
Только я в рассвет грядущий верю,
На него надеюсь как могу.

Если я хоть раз увидел солнце,
Что прошло в душе по пустырю,
То у ночи и на самом донце
Буду ждать грядущую зарю».

Ой ты моя зорька-заряница!
Что же нынче утро ниспошлёт?
Самые прекрасные страницы
Я читаю ночи напролёт.

Проснёшься — тополь стал жар-птицей!
Туманом даль заволокло.
Чуть слышно, с трауром в петлице,
Стучится бабочка в стекло.

Как сбросишь ночи рукавицу!
Как разохотится заря
От плевел отделять пшеницу
В росе на кромке сентября.

Увидишь верную примету
В природе, ставшей золотой:
Всё движется упрямо к свету —
Что ждёт за грозовой чертой.

А. А.

Сад хризантемный да астровый
В горницу тихо глядит —
Девой сосуд алавастровый
С миром бесценным разбит.

Миро смущается, капая,
Молвит апостол со зла:
«Что же она, куролапая,
Столько добра пролила?»

Радостью светится горенка,
Только Иуда сердит.
Анна (в девичестве Горенко)
У ног Иисуса сидит.

Только в будущем ждёт настоящее.
И пока я дышу и люблю,
Это лето, в рассвет уходящее,
Я за листик зелёный ловлю.

— Подожди, мы ещё не прощаемся,
Мы с надеждой ещё подождём
И сегодня ещё прогуляемся
Под грибным и весёлым дождём.

Разводить мы не будем с ней сырости
И бояться осенних простуд,
Если мне уже больше не вырасти —
Может, крылья мои отрастут.

Я житухой, как стервой отпетой,
Наигрался-натешился всласть,
Моя совесть разменной монетой
По блудилищам вся разошлась.

Не ищите во мне благолепья,
Я красивый, как баба-яга,
За душой лишь ремки да отрепья,
Да глазищи таращит цинга.

Всё вино, да всё песни блатные.
И ходил я в ашрам и в раскол,
Приютить бы могли и родные,
Да родня мне — осинový кол.

Я к церковной прижался ограде.
Православные, всем исполать!
Помогите, прошу Христа ради,
По копеечке совесть собрать.